

Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis

Studia Russologica IV (2011)

Ольга Трофимова

Формирование языковой нормы в феномене делового текста: история и современность

Влияние делового языка на формирование норм общелитературного языка отмечалось в истории не однажды, начиная с первых деловых бумаг: одной из первых фиксаций древнерусского языка был именно деловой текст – грамота 1130 г. великого князя Мстислава Володимировича (сына Владимира Мономаха) и его сына Всеволода, данная Юрьеву монастырю. Князья предоставляли монастырю материальные выгоды, монахи же должны были, «пока мир состоит», молиться за них. Развитие договорных, правовых, социальных отношений «тянуло за собой» развитие устной и письменной деловой речи, которая оформилась в особый функциональный стиль русского литературного языка – официально-деловой – основную форму репрезентации русского языка как государственного.

В настоящее время все больше ученых, политиков, журналистов – тех, кто активно воздействует на формирование языковой ситуации в стране, разделяют мнение о том, что русский язык как государственный – это системообразующий фактор сохранения целостности и стабильности Российской Федерации. Его статус определен в Конституции РФ, поддержка и защита – в Федеральном Законе от 01.06.2005 «О государственном языке Российской Федерации», пункт 3 статьи 1 которого утверждает, что «порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством Российской Федерации».

Итак, официально-деловая речь, являясь по существу основной формой реализации русского языка как государственного, требует обязательного соблюдения норм. Это особенно важно при составлении документов, ибо «документы представляют собой систему принятых по соглашению ограничений на использование естественного языка» (Жилина 2002: 94).

Сегодняшние изменения делового русского языка обусловлены не только усилившимся влиянием англо-американских традиций на систему российского делопроизводства (Стеблецова 2001; Лагутина, Щуко 2005:

130–152), на стиль ведения деловых переговоров, но и развитием новейших Интернет-технологий. Деловое Интернет-общение активизировало практическую и теоретическую значимость проблемы общения человека и компьютера. Не исключается и формирование «универсального делового языка для межнационального общения», ибо по своему синтаксическому строю и по общности значений слов компьютерные варианты разных языков оказываются ближе, чем их живые разговорные варианты. О.А. Жилина в этой связи обращает внимание на то, что официально-деловой язык «внутренне формализован, поскольку он функционирует в определенных модельных ситуациях; существует необходимость научить машину полностью понимать и воспринимать деловые тексты. Однако практика показывает, что для этого, возможно, придется адаптировать естественный язык к нуждам компьютера. А это, в свою очередь, может привести к формированию новых языковых норм» (Жилина 2002: 94; см. также: Ершов 1982).

Современная электронная деловая переписка охватывает решение разнообразных служебных и профессиональных вопросов. Лингвисты говорят о том, что «этикетные особенности электронного делового письма обусловлены спецификой компьютерного дискурса вообще и электронной переписки в частности» (Карабань 2005: 75). Электронный документ нарушает сложившиеся стереотипы бумажного, выходит за рамки строгого официально-делового стиля и являет собой «контаминированное образование – результат взаимодействия различных функциональных стилей: официально-делового, разговорного, публицистического, языка рекламы». Утверждается, что синтаксическая структура электронного делового письма подвержена влиянию разговорной речи и включает неполные предложения, экспрессивный порядок слов. Возникает вопрос – о какой именно разновидности делового письма идет речь? Можно ли переносить эти наблюдения на всю электронную переписку? Ведь исследованию в большей мере подвергается переписка по профессиональным вопросам хорошо знакомых друг с другом деловых партнеров, т.е. некий аналог устной профессиональной речи.

Современный деловой человек, чиновник и депутат одинаково активно используют и традиционные (устная речь, документ на бумажном носителе), и новейшие формы деловой коммуникации, поэтому можно считать закономерным тот факт, что (в голове у носителей официально-делового стиля и, следовательно, в деловой коммуникации вообще) неизбежно происходит их взаимовлияние, сопровождающееся, среди прочего, нарушением стилистических, лексических и проч. норм. В XXI веке повторяется ситуация, известная, например, с XVIII века – века кардинальных изменений в русском языке и российском делопроизводстве, когда в российских провинциальных канцеляриях методом проб и ошибок вырабатывались формуляры документов и подыскивались адекватные формы выражения административной мысли, о чем можно судить по анализу черновиков деловых бумаг, сохранившихся, например, в фондах Государственного архива Тюменской области (Трофимова 2002, 2005, 2007, 2009), или заключительных рапортов-экстрактов (в их сопоставлении с инициативными рапортами) в составе следственных дел (Голованова 2008).

Несомненно, нарушение норм, в том числе норм грамматического строя языка является коммуникативным барьером (Кушнерук 1999: 17), отвлекающим реципиента от мысли говорящего. Так, в речи докладчика на одной из конференций, посвященной ротации управленческих кадров как антикоррупционной мере, обороты *«извлекать достойных кадров из системы...» и «мобилизовать кадры на те или иные участки работы», прозвучавшие в соседних предложениях, обратили на себя внимание слушателей, но заставили их задуматься не о сути общественно-политической проблемы (как того желал говорящий), а об ошибках в функционировании категории одушевленности – неодушевленности русских существительных. Сегодняшние депутатские и чиновничьи «муки слова» напоминают муки служителей канцелярий XVIII века, которые, чтобы ёмко выразить новые в русской жизни смыслы или построить лаконичный текст, придумывали такие слова, как «*благорассмотрение*», «*вытаскание*», «*отрекательство*», «*отрицательство*»; см., например, фрагмент обязательства, принятого на себя тюменским разночинцем Григорием Непряхиным 3 мая 1764 г. (знаком / отмечен конец строки оригинала):

«... акакъ доозначенного сроку уменя Непряхина о^и / Воино^в доживе^т то я Непряхи^и ево Воинова обявлю / для зарабатывания доста^нны^х денег^е м^у Колову / а ежели наозначенно^и срокъ нео^бявлю и учиню хотя / малую просрочку или о^и Воино^в о^тменя Непряхина / куда з^{бе}жить то состоящие нане^м Воинове / зааплатаю мое^и доста^нные восе^мнатца^т / рублевъ заплати^т мне Непряхину о^бше зде^тми / своими ему Колову квышеписанному сроку / бе^всяки^х приносимы^х вотгово^вку резоновъ / и о^трекате^лствъ ивто^м поне^м Непряхине / ручается тюменско^и разночинецъ Алексей / Ситниковъ вчемъ иподписуетца...» (ГАТО, ф.И-47, оп.1, д.2496, л.32).

В том же XVIII веке в русский язык вошло много заимствований, чуждых русскому слуху, но сегодня ставших родными для россиян: «*армия*», «*вымпел*», «*гавань*», «*матрос*», «*ордер*», «*рапорт*», «*конфедерат*», например:

«№ 1411 Поданъ декабря 2^{де} 1763 го^л / Записа^в сооб^иши^т к о^тпуску

Втюменскую воево^вскую канцелярию / Верхнего стана о^тсоцкого Василья Кузне^цова / репортъ

Поданно^и мне именованно^{му} истюменской / воево^вской канцеляри^и инструкци^и велено = / мне именованно^{му} ввышеписанно^м Верхне^м / стане смотрение име^т что^б дракъ блядки корче^мства / воровъ разбо^нниковъ беглы^х са^дда^т матрозовъ / рекрутъ небыло ивсилу онои инструкци^и вселехъ / идеревня^х беглы^х са^ддать матрозовъ рекрутъ / пришлы^х беспашпо^ртны^х дракъ блядки / икорче^мства неимелось вминуше^м ноябре м^це / исостояло все благополучно того ради / Тюменской воево^вской канцеляри симъ / ирепортую декабря 1 дня 1763 го^л

Ксему репорту вместо соцкого / Василья Кузнецова прозбою ево копиистъ / Василеи Чюриловъ руку приложилъ» (ГАТО, ф.И-47, оп.1, д.5248, л.7).

«1773 году маяя 21 числа тюме^нской / казацкой команды казаки испольскихъ / пленныхъ конфедератовъ Александръ Духовичъ / Антоніи Рыхълевски втюме^нско^и каме^н/дантской канцеляриі дали сию по^иписку, / вто^м что^б поуволненіи ихъ исказацкой / службы погороду Тюмени жить і^м насвое^и / пропитаніи порядочно

никаки^х шалостей = / нечинить ипомиру нешататца, вче^м / иподписуютца Ксеи па^тписке въ/место о^тставленны^х казако^в Духовича / j Ры^кле^вского j^к прошениемъ се^п/жантъ Яко^в Мартьяно^в руку / jприложилъ» (ГАТО, ф.И-6, оп.1, д.335, л.15).

И тогда, и сейчас главное условие заимствований – языковые контакты, в том числе дистанционные (в XVIII веке – посредством деловых бумаг, доставляемых из столицы в Тюмень в среднем в течение двух–трех месяцев и тиражирующих новые языковые нормы), расширяющиеся в современном мире. И первоначальное как будто «неправильное» употребление слова есть не что иное, как поиск словом новой для себя жизни в пока ещё чужой языковой среде. Но если сегодняшние «спикер» и «вице-спикер» перейдут из речи журналистов в официальные документы (как это стало, например, с «паролимпиадой» и «сурдолимпиадой»), то станут русскими словами и у того, кто займёт эти должности, появятся новые обязанности.

Таким образом, сегодня вновь актуализируется вечная проблема административной системы – степень самостоятельности функционирующей в ней личности, мера её влияния на общую ситуацию, в том числе языковую. Хотя неизменным остается сам принцип создания делового текста как такового и использования в нем языка: «Типовое построение официально-делового текста выступает в качестве рамки, в которой пишущим совершается конкретизация текста документа – его языковое наполнение (сфера действия языковых норм), причем масштаб самостоятельности пишущего зависит от того, к какому типу текста-образца относится документ. [...] С переходом к изложению переменных элементов содержания делового текста возрастают диапазон поиска и возможности выбора языковых средств для передачи конкретных обстоятельств дела – и соответственно возрастают трудности, стоящие перед составителем текста документа. [...] Трудности поиска могут облегчаться за счет знаний (навыка) и речевого опыта пишущего» (Культура... 2000: 224–225).

Исследование скорописных деловых текстов сибирской провинции позволяет утверждать, что деловой текст можно рассматривать как некий феномен – феномен посредника в общении человека и государства. Как показала история, это порой единственное адекватное времени своего создания свидетельство функционирования языка, позволяющего проследить становление языковых норм в их жанрово-стилевом «хронотопе».

Литература

- ГАТО – Государственный архив Тюменской области (далее указываются номер фонда, описи, дела, листа)
- Граудина Л.К. и Ширяев Е.Н. (ред.), 2000, *Культура русской речи*, Москва.
- Голованова О.И., 2008, *Тюменские следственные дела 1782–1796 гг. в аспекте лингвотекстологического и источниковедческого анализа*, Автореф. дисс. ... канд. филол. наук, Тюмень.
- Ершов А.П., 1982, *К методологии построения диалоговых систем: феномен деловой прозы*, [в:] *Вопросы кибернетики. Общение с ЭВМ на естественном языке*, Москва.

- Жилина О.А., 2002, *О влияние компьютерных технологий на изменения в языке деловых документов*, [в:] *Преподавание и изучение русского языка и литературы в контексте современной языковой политики России*, Н. Новгород, с. 94.
- Карабань Н.А., 2005, *Особенности функционирования коммуникативной категории вежливости в электронной деловой переписке*, «Мир русского слова», № 1–2, с. 74–77.
- Кушнерук С.П., 1999, *Документная лингвистика (русский деловой текст)*, Волгоград.
- Лагутина Т.М., Шуко Л.П., 2005. *Деловое письмо: Справочник*, Москва–Санкт-Петербург, с. 114–115.
- Стеблецова А.О., 2001, *Национально-культурная специфика делового письма (на материале английского и русского языков)*: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж.
- Трофимова О.В., 2002, *Тюменская деловая письменность. 1762–1796 гг.: Книга II. Памятники тюменской деловой письменности. Из фондов Государственного архива Тюменской области*, Тюмень.
- Трофимова, О.В., 2005, *Категориальный анализ текста рукописного документа XVIII века*, [в:] *Проблемы филологии в синхронии и диахронии*, Челябинск, с. 20–30.
- Трофимова О.В., 2007, *Рукописный деловой текст и его «автор»: следы взаимодействия (на материале допросов из фондов Государственного архива Тюменской области)*, [в:] *«Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность»*, Санкт-Петербург, с. 355–368.
- Трофимова О.В., 2009, *Аспекты лингвистического анализа регионального делового текста XVIII века*, [в:] *Язык – текст – дискурс: традиции и новации*. В 2-х ч., Самара, ч. 2, с. 6–14.

Kształtowanie normy językowej w tekście oficjalnym: historia i współczesność

Streszczenie

Analiza dokumentów archiwalnych, na których w przeważającej części opiera się artykuł, pozwala dokładnie określić datowanie zmian norm językowych z uwzględnieniem warunków lokalnych. W XVIII wieku to właśnie w treściach dokumentów często pojawiały się nowe formy językowe, odzwierciedlające rzeczywistość historyczną.